

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81

DOI 10.52452/19931778_2021_2_186

КОММУНИКАТИВНАЯ РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ВЕЖЛИВОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ МАТЕРИАЛЕ)

© 2021 г.

Е.В. Баяев

Московский городской педагогический университет, Москва

baev@mgpu.ru

Поступила в редакцию 18.08.2020

Рассматривается влияние языковой игры на лингвистическую вежливость высказывания. Предлагается методология исследования через прямой опрос респондентов – носителей русского языка. В качестве материала используются примеры языковой игры на фонетическом и синтаксическом уровнях. Описываются устойчивые паттерны интерпретации и оценки респондентами языковой игры и ее влияния на вежливость высказывания. Указываются факторы, влияющие на увеличение вежливости высказывания с помощью языковой игры (степень близости коммуникантов; юмор и его допустимость в разговоре с данным коммуникантом; оригинальность формы высказывания, образованной с помощью языковой игры) и уменьшение вежливости (сарказм, насмешка, юмор и недопустимость использования юмора в разговоре с коммуникантом; ассоциация использования языковой игры с экономией времени; неспособность дешифровать языковую игру). Представляются методологические рекомендации для последующего исследования связи языковой игры и вежливости, указываются возможные точки исследования.

Ключевые слова: коммуникативная лингвистика, теория вежливости, лингвистическая вежливость, языковая игра.

Введение

Исследование посвящено вопросам лингвистической вежливости и формам ее вербализации. Проблематика исследования – роль языковой игры в вежливой коммуникации.

Объект исследования – лингвистическая вежливость, представляющая собой инструмент, используемый коммуникантами для достижения прагматических целей и представляющий собой парадигму стратегий и тактик, выбор которых диктует совокупность социальных и языковых факторов. Предмет исследования – языковая игра в качестве стратегии реализации в языке вежливости или невежливости.

Цель исследования – выяснить, может ли языковая игра использоваться для «увеличения (не)вежливости» высказывания по сравнению с той формой высказывания, что должна выступать в качестве базы для языковой игры. Промежуточная цель – разработать методику эксперимента, который позволил бы оценить влияние языковой игры на вежливость высказывания.

Лингвистическая вежливость – термин, описывающий комплексное явление в языке, выра-

жающееся в существовании негласного «кодекса» речевого поведения и общепринятого речевого этикета. В различных направлениях лингвистики вежливость описывалась как речевые максимы, правила (Грайс, Лакофф, Лич); как «сохранение лица» (Гоффман, Браун и Левинсон); как договор о ведении диалога (Фрейзер, Полен); как такт (Janney, Arndt); как понятие дискурса (Уоттс); как этическая и прагматическая категория: «проявление уважения к партнеру, выраженное с помощью языковых единиц» [1, с. 51] (Формановская); вежливость как оценка статуса человека (Карасик) [2, с. 11].

В данном исследовании мы будем придерживаться понимания вежливости в классической теории вежливости Браун–Левинсона. Теория опирается на понятие «социального лица» – абстракции, описывающей основные, базовые мотивации коммуниканта [3, с. 68]. «Позитивное лицо» описывает стремление собеседника сохранить готовность договариваться [3, с. 68], открытость к компромиссу [3, с. 70]; «негативное лицо» – стремление защитить свою независимость и автономность действий и решений [3,

с. 70]. Вежливость непосредственно связана со степенью угрозы социальным лицам коммуниканта: «politeness, like formal diplomatic protocol (for which it must surely be the model), presupposes that potential for aggression as it seeks to disarm it, and makes possible communication between potentially aggressive parties» [4, с. 1]. Иными словами, вежливость ассоциируется со стремлением избавиться от угрозы социальным лицам собеседника, иногда – даже за счет увеличения угрозы своим социальным лицам. Невежливость ассоциируется с готовностью пренебречь угрозой социальным лицам собеседника.

В качестве основополагающего тезиса мы будем считать, что вежливость может быть представлена в виде шкалы – от наиболее вежливых речевых актов (наименее угрожающих) к наименее вежливым (наиболее угрожающим), имманентно обладающей универсальностью для всех коммуникантов одной культурно-языковой общности.

Проблема, лежащая в основе настоящего исследования, – отношение новых вербальных форм высказываний, образуемых с помощью языковой игры, к угрозе социальным лицам (в первую очередь лицам слушающего). Мы исходим из того, что такие формы либо находятся на универсальной шкале солидарности, как и все остальные речевые акты, либо не могут быть отнесены к ней. Если формы языковой игры не могут быть отнесены к универсальной шкале, мы должны получить данные, согласно которым новые формы в принципе не уменьшают и не увеличивают угрозу социальным лицам. Если же образуемые с помощью языковой игры формы уменьшают/увеличивают угрозу социальным лицам, то следует попытаться описать сферы употребления этого механизма и принцип в его основе.

Ввиду метафоричности/иносказательности/ироничности высказывания речевые акты, содержащие языковую игру, могут быть более или менее угрожающими, чем форма-прообраз; в этом случае мы будем говорить о том, что новая форма является более или менее вежливой, даже если сама эта форма не является этикетной.

К проявлениям языковой игры лингвисты относят неопределенно широкий перечень языковых фактов: «туда включают и случаи каламбурной юмористической игры слов, и балагурство, и пародирование, и макаронизмы, и засекреченные детские формы речи, и закодированные воровские аргы» [5]. Общей чертой у всех речевых актов и текстов, являющихся «языковой игрой», является нарочитое отступление от умозрительной языковой или речевой нормы [5].

Существует некоторая неопределенность в понимании языковой игры и ее роли в повседневной коммуникации, в частности, связанная с указанием реализации в языковой игре «поэтической функции языка» в определении языковой игры, предложенном Е.А. Земской, М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой [6, с. 172–173] – подобный подход исключает из рассмотрения повседневную разговорную речь. Е.Б. Лебедева указывает на существование других подходов – например, британский лингвист Д. Кристал указывает, что пространство языковой игры и формы ее репрезентации в языке практически столь же безграничны, как и вообще все пространство, занимаемое языком как средством общения [5]. Он пишет о том, что игра со словами является универсальной человеческой активностью, поддерживаемой удовольствием, которое люди получают от деконструкции и реконструкции слов в новый облик, организации их в особые схемы, продуцирующие новый смысл, и от нахождения этого скрытого смысла [7, с. 62]. Он же определяет языковую игру как «интонационные, ритмические, фонетические, лексические, морфологические и другие модификации, использующие тот же принцип отклонения от языковой нормы» [7, с. 64]. Мы будем придерживаться понимания языковой игры как нарочитого отступления от языковой/речевой нормы на различных языковых уровнях, фокусируя внимание на таких отступлениях, которые имеют очевидную и легко реконструируемую первооснову – с тем условием, что эта первооснова явно маркирована как «вежливая»/«невежливая».

Методологией настоящего лингвистического исследования является лингвистическое интервьюирование, которое предполагает прямой запрос информации у респондентов – носителей языка. Полученную информацию в дальнейшем анализирует и статистически обобщает исследователь [8, с. 29].

Основная часть

Какие формы языковой игры могут выполнять коммуникативные функции, связанные с вежливостью? Очевидно, что сугубо информативные речевые акты и, наоборот, формы реализации поэтической функции языка не могут быть маркированы как «вежливые/невежливые». Информативные речевые акты лишь передают информацию и невежливости могут стать лишь на уровне нарушения протокола поведения (сообщение или запрос информации, которую не принято сообщать в текущих социальных условиях).

А вот речевые акты, связанные с просьбами, приказами, выражением удовлетворения или недовольства, и, по сути, любые другие фатиче-

ские речевые акты чаще всего могут быть однозначно маркированы как вежливые/невежливые – возможно, просто в силу того, что входят в этикетную зону. Следовательно, в целях изучения того, какую роль выполняет языковая игра в категории вежливости, имеет смысл присмотреться в первую очередь к контактоустанавливающим речевым актам.

В рамках нашего исследования интересным представляется следующий вопрос: «Если какой-либо речевой акт уже маркирован как не-/вежливый – для чего в нем используется языковая игра?». Мы считаем, что справедливо сделать следующие предположения:

– языковая игра используется для снижения или увеличения степени вежливости речевого акта-прообраза в любых контекстах, где это кажется допустимым коммуниканту;

– языковая игра используется для снижения или увеличения степени вежливости речевого акта-прообраза в контекстах, где прообраз не является однозначно невежливым, но все же кажется коммуниканту (не)достаточно «опасным».

Для изучения того, как коммуниканты относятся к новым формам, образованным языковой игрой, мы разработали прямой опрос респондентов, являющихся носителями русского языка.

Вопрос № 1 был призван выявить, как респонденты оценивают устоявшиеся формы, чей статус «языковой игры» уже не столь однозначен. Эти оценки могут дать кроссверификационный материал – для сравнения с речевыми актами, чей статус как «языковой игры» более однозначен. Таким образом, мы можем разделить эффект идиоматичности высказывания и реальный эффект от языковой игры. Речевые акты, лежащие в основе языковой игры, имеют очевидный уклон в конфликтную коммуникацию, что должно дать общее представление о том, может ли языковая игра быть инструментом снижения угрозы в определенных речевых ситуациях.

Текст вопроса: «Можно ли считать указанный речевой акт вежливым или невежливым?».

Варианты ответов:

– вежливо либо нейтрально в любых контекстах;

– всегда невежливо;

– вежливо либо нейтрально в определенных контекстах.

Речевые акты для оценки (в двух разных социальных контекстах):

– *Убил бы тебя!* (социальный контекст: друзья/коллеги);

– *Иди лесом* (социальный контекст: друзья/коллеги);

– *Да ладно?* — *Прохладно!* (социальный контекст: друзья, коллеги).

Вопрос № 2 предполагал сравнение двух форм (формы-прообраза и новой формы, образованной языковой игрой) на предмет того, какая из них кажется более вежливой. В тексте вопроса указан конкретный социальный контекст, чтобы респондентов не смущала явная неэтикетная форма лексем. Речевые акты, лежащие в основе языковой игры, имеют очевидный уклон в нейтрально-вежливую коммуникацию, что должно дать примерное представление, может ли языковая игра использоваться для увеличения или уменьшения угрозы в тех речевых актах, которые и так не являются угрожающими.

Текст вопроса: «Какой вариант является более вежливым в контексте дружеской неформальной беседы?».

Речевые акты для сравнения:

– *Спасибо/посебо;*

– *Пожалуйста/позызя;*

– *Пожалуйста/плез (плиз).*

Вопрос № 3 предполагал сравнение более сложных речевых актов (не одиночных лексем) с более сложной языковой игрой (не на уровне фонетики, а на синтаксическом и семантическом уровнях). Речевые акты, лежащие в основе языковой игры, имеют очевидный уклон в конфликтную коммуникацию, что (схожим образом с вопросом № 1) должно дать общее представление о том, может ли языковая игра использоваться для смягчения угрозы.

Так как респонденты могли ориентироваться на свое понимание «вежливости», мы, не вводя их в методику эксперимента, попросили указывать, какую коннотацию обрела новая форма, если респондент не готов сказать, что она стала «вежливее».

Текст вопроса: «Оцените, стал ли новый (второй) вариант вежливее, по сравнению с начальным (первым)? Если вы считаете, что второй вариант стал мягче, но не согласны с формулировкой «вежливее», опишите, какой коннотацией обладает второй вариант».

Речевые акты для сравнения и оценки:

– *Вы парковаться вообще умеете? — Паркуетесь по слуху?*

– *Ты псих? — Ты как из палаты выбрался?*

– *Че ты на меня орешь?! — Спасибо, у меня со слухом все в порядке, можно не проверять.*

Выводы

В опросе приняли участие 28 респондентов.

При ответе на **первый вопрос** половина или более респондентов ответила, что указанные формы языковой игры всегда являются невежливыми: 46%, 75% и 50% на каждый из пред-

ложенных вариантов соответственно. На контекст в качестве фактора определения статуса вежливости указали соответственно 53%, 21% и 39% коммуникантов. Лишь незначительное количество респондентов – 1%, 4% и 10% соответственно – указали, что новые формулировки являются нейтральными или не могут быть отнесены к категории вежливости вообще (один респондент).

Ввиду небольшого объема выборки мы остерегаемся делать статистически значимые выводы. Очевидным на данном этапе исследования является следующее:

- коммуникантами не достигнут консенсус по поводу степени угрозы формы явно конфликтного речевого акта при использовании в нем языковой игры, то есть сам факт языковой игры все же оказывает влияние на оценку вежливости речевого акта;

- те коммуниканты, которые указали на нейтральность или вежливость новой формы, обычно выделяли в качестве ограничения контекст дружеской беседы или шутки – следовательно, есть основания предполагать, что уменьшение угрозы речевого акта с помощью языковой игры является стратегией, применимой исключительно или в большей степени в контексте дружеской неформальной беседы.

Определенный интерес представляют формулировки, использованные рядом респондентов. Это прямое указание на конфликт вежливости и дружеской/шутливой беседы:

- *Невежливо, но если в шутку – нейтрально. В определенных кругах принято так шутить* (респондент не оценивает однозначно позитивно новую форму, но признает право других коммуникантов воспринимать такую форму как вежливую на основании царящего в их социальном круге консенсуса);

- *Вежливо с друзьями и родными в шуточной форме; если человек говорит в шутку – то вежливо;*

- *Невежливо, но в ситуации с друзьями является смешной формой* (возможное указание на то, что область юмора воспринимается как область дозволенных исключений из правил вежливого общения);

- *С друзьями нейтрально, в отношениях «снизу вверх» – невежливо* (респондент прямо указывает факторы социальной дистанции и авторитета как определяющие в вежливости);

- *Невежливо при общении с девушками* (указание на гендерный фактор при оценке угрозы речевого акта – и хотя само существование этого фактора в категории вежливости не является сюрпризом, следует уделить внимание в будущих экспериментах влиянию этого фактора на вежливость форм именно языковой игры).

Для будущего эксперимента представляет интерес тот факт, что ряд респондентов разделил вежливое и невежливое употребление анализируемых форм не по социальному контексту, а искусственно разрушив устоявшуюся форму языковой игры (например, при оценке идиомы *Иди лесом* один из респондентов дал комментарий о том, что форма является вежливой при указании дороги; при оценке идиомы *Прохладно* другой респондент дал аналогичный комментарий о вежливости формы: *если действительно прохладная погода*). Вероятно, следует провести с подобными респондентами повторный опрос, нацеленный на изучение их опыта использования языковой игры в коммуникации.

При ответе на **второй вопрос** респонденты практически не указывали, что образованные с помощью языковой игры являются более вежливыми:

- один респондент (3%) указал, что форма *Пасиба* является более вежливой, чем *Спасибо* без оговорок;

- еще три респондента (10%) указали, что форма *Пасиба/Посебо* является «нейтральной в дружеской беседе», «допустимой <...> лишь в интернет-сленге» и «допустимым в крайне дружеских отношениях»;

- лишь два респондента (7%) посчитали, что форма *Позызя* является «вежливой...» или «допустимой», ограничив сферу ее употребления «Дружеской беседой»;

- еще один респондент (3%) посчитал, что форма *Позызя* используется, чтобы «показаться милым» (т.е. буквально указал на снижение угрозы от коммуниканта при использовании этой формы);

- лишь один респондент (3%) посчитал аналогично допустимой при общении с друзьями форму *Плез/Плиз*;

- 4 (14%), 1 (3%) и 2 (7%) респондентов соответственно указали на первоначальную форму как более формальную, но нашли новую форму вежливой или нейтральной, иногда даже равнозначной, лишь иногда подчеркивая, что это допустимая форма «в компании друзей» или «в разговорной речи».

Остальные респонденты склонялись к тому, чтобы игнорировать ремарку в заданном им вопросе («... в контексте дружеской беседы»), и указывали на новую форму как на менее вежливую. Особый интерес в данном случае представляют формулировки, которыми респонденты поясняли свое решение.

Некоторые сочли новый вариант менее вежливым, т.к. усмотрели в нем указание на недостаточное выражение основного значения (благодарности или просьбы):

- «Пасибо» – менее вежливо, т.к. это благодарность человеку;
- «Пасибо» – как будто человек не оценил помощи;
- «Пасибо» – неуважительно, словно человек не хочет тратить времени;
- «Пасибо» – немного надменный;
- «Плиз» – невежливо, экономят время;
- «Плиз» – используется для экономии времени;
- «Посебо» – невежливо, чувствуется обесцененность благодарности, неискренность;
- «Пасибо» – ответ ленивого человека, который разучился норм. разговаривать.

Многие респонденты указали личное восприятие новой формы (часто – фонетической составляющей этой формы) в качестве аргумента в защиту того, почему она является невежливой:

- «Позязя» – ну просто не очень;
- «Позязя» – это тупо;
- «Пасибо» – звучит отвратительно;
- «Позязя» – еще более отвратительно;
- «Плез» – надоела в использовании и немного раздражает;
- «Плиз» – считаю, что употребляется для выпендрежа;
- «Позязя» – очень тупой, с ноткой заискивания, очень меня раздражает;
- «Позязя» – менее вежливый, деградация;
- «Позязя» – меня раздражает сам по себе, поэтому первый [вариант] более уважительный;
- «Позязя» – слишком раздражающий, слишком приторный;
- «Плиз» – также наиграно и неестественно;
- «Плез» – немного подбешивает;
- «Позязя» – глупо, неуважительно.

Значительное количество респондентов определило, в чем состояла языковая игра при образовании новой формы *позязя* (подражание детской речи), и либо использовало это как аргумент в пользу невежливости новой формы, либо ограничивало использование этой формы общением с маленькими детьми:

- «Позязя» – показывает детское отношение, имеет место в общении с ребенком, который не может выговорить некоторые звуки;
- «Позязя» – менее вежливо, так говорят дети;
- «Позязя» – для иронии, смеха, похож на детский лепет, менее вежливый.

Некоторые респонденты также использовали частотность употребления новых форм, составленных с помощью языковой игры, как аргумент в пользу невежливости этих форм:

- «Плез» – надоела в использовании и немного раздражает;

- «Плез» – это устаревшая форма сленга, сейчас считается не очень красивым;

- «Посебо» – менее уважительный, но может иметь место в разговорах.

Еще часть респондентов использовала «неграмотность» новых форм или факт их иноязычного происхождения в качестве причины их невежливости:

- «Позязя» – менее вежливо, т.к. неправильно;
- «Пасибо» – менее вежливый, потому что неправильный, хотя и допустимый;
- «Плиз» – англицизм, не стоит употреблять в русской речи вообще;
- «Плиз» – не из нашего языка, имеет место в иностранном языке.

Ответы респондентов на третий вопрос сложнее разбить на четкие группы. 11 (39%), 9 (32%) и 8 (29%) респондентов сочли новую форму с языковой игрой однозначно более грубой, чем изначальная форма. 8 (28%), 13 (46%) и 16 (57%) респондентов указали, что новая форма (даже несмотря на сохранение конфликтного прагмасемантического значения) кажется им «мягче», «спокойнее», «вежливее» и «лучше». Остальные респонденты дали ответ, выражающий их субъективное восприятие новой формы, но так, что нельзя однозначно определить его в какую-то из двух групп.

Можно дополнительно выделить несколько групп по их отношению к старым, закрепленным в языке этикетным формам и новым формам, образованным с помощью языковой игры:

- 1) ↑ ирония/юмор = ↑ вежливость:
 - [новая форма] более деликатная и юморная, потому более вежливая;
 - второй вариант звучит мягче, в нем нет открытого обвинения, только ирония;
 - [новая форма] – шуточный вариант, более вежливый;
 - [новая форма] мягче, есть нотка иронии;
 - [новая форма] – более шуточная и приемлемая в дружеской беседе форма;
 - второй вариант звучит мягче, в нем нет открытого обвинения, только ирония;
 - [новая форма] более вежливая, т.к. может заставить человека улыбнуться;
 - [новая форма] более вежливая, можно посмеяться;
- 2) ↑ сарказм/ирония/насмешка/юмор = ↓ вежливость:
 - [новая форма] саркастична, кажется менее грубой, но не является вежливой;
 - [новая форма] с приколом, невежливо;
 - [новый вариант] более насмешливый, пренебрежительный;
 - [новый вариант] саркастичный, насмешливый, такой же грубый;

- [новый вариант] с большим сарказмом, воспринимаю негативно, более грубый;
 - [новый вариант] более грубый, т.к. содер­жит в себе сарказм;
 - [новый вариант] более язвительный, оскорбительный;
 - [новый вариант] более грубый, ироничный, насмешливый, унижающий;
 - [новый вариант] язвительный, раздавли­вающий;
 - [новый вариант] чистая ирония, звучит более насмешливо, чем первый вариант;
- 3) непонимание = невежливость:
- [новая форма] более язвительная, не всем понятная;
 - первая форма грубее, но вторую могут не понять вообще;
 - я бы не стала употреблять, [новая форма] очень странная.

Мы сформулировали следующие общие вы­воды на основе исследования.

1. Языковая игра, основанная на создании крупных синтакстических единиц, обладающих фразеологической связанностью, чаще и лучше действует как инструмент увеличения вежливости (снижения угрозы) речевого высказывания, чем языковая игра, основанная на употреблении уже закрепленных коротких идиом.

2. Языковая игра, меняющая форму изна­чально конфликтного высказывания, восприни­мается лучше, чем языковая игра, меняющая форму изначально вежливого и этикетного вы­сказывания.

3. Успешность смягчения угрозы напрямую зависит от языкового опыта коммуниканта и его способности дешифровать языковую игру. Не­понимание языковой игры респондентами одно­значно связывается с невежливостью – вплоть до того, что, даже если коммуниканты сами языковую игру поняли, но подозревают, что ее могут не понять другие, они указывают на ее потенциальную невежливость по отношению к этим людям. В связи с этим интересен тот факт, что «виновным» кажется тот коммуникант, ко­торый употребил речевой акт, непонятный со­беседник, а не тот коммуникант, который не смог его дешифровать.

4. Ввиду неоднородного характера сравни­тельного языкового материала, мы не можем сделать однозначного вывода о том, что фоне­тическая языковая игра воспринимается хуже, чем более сложные языковые шутки (фонетиче­ская языковая игра предлагалась только приме­нительно к изначально вежливым формам). Следует уточнить гипотезу о том, что фонети­ческая языковая игра работает как механизм увеличения угрозы лучше, как механизм ее уменьшения, на новом языковом материале.

5. Существует корреляция между частотно­стью употребления по крайней мере некоторых форм языковой игры и их восприятием как «(не)вежливых».

Следует выделить противоречие между полу­ченными эмпирическими данными и одним фак­том языковой среды. С одной стороны, суще­ствует очевидная тенденция использовать такие формы, как *плез, посебо* и пр. формы, основан­ные на фонетической языковой игре, в интернет-коммуникации. С другой стороны, существует отмеченная выше тенденция воспринимать их как более угрожающие и нежелательные. Эту проблему можно объяснить по разному.

Самый простой ответ состоит в том, что ре­спонденты, участвовавшие в настоящем иссле­довании, являются студентами-филологами и потому более щепетильно относятся к вопросу грамотности (также отмечено в настоящем ис­следовании) и ее роли в вежливой коммуникации.

Другой ответ состоит в следующем. С уве­личением формализованности речевого акта в ощущениях носителей языка сам этот речевой акт, хотя и не может стать «невежливым», уве­личивает степень своей угрозы в определенных (как правило, не формализованных) коммуни­кативных контекстах. Иначе говоря, ответ *Спа­сибо* в интернет-переписке или личном обще­нии друзей может казаться слишком формаль­ным (недостаточно хорошо демонстрирующим позитивное лицо коммуниканта) и вызывает желание употребить менее формальную, «игро­вую» его вариацию (*Пасиба, Пасибки, Спасяб, Посебо, Спасибочки* и т.п.). Однако в настоя­щем исследовании мы не ставили целью изу­чить именно область интернет-коммуникации и потому такая ситуация не моделировалась.

Самый однозначный вывод состоит в том, что новые формы фатических речевых актов, образуемые с помощью языковой игры, обычно направлены на снижение угрозы, а не на ее уве­личение. Кроме того, коммуниканты, как пра­вило, склонны ограничивать само употребление языковой игры сферой дружеского, неформаль­ного общения, отмечая резкое увеличение сте­пени угрозы при употреблении языковой игры в сфере формального общения.

Общие закономерности таковы:

- при употреблении языковой игры в кон­тексте, где первооснова уже маркирована как вежливая (*Спасибо – Посебо*), респонденты от­мечают увеличение степени угрозы;

- при употреблении языковой игры в кон­тексте, где первооснову трудно маркировать как вежливую (*Вы парковать вообще умеете? – Паркуетесь по слуху?*), респонденты, наоборот, отмечают снижение степени угрозы.

Список литературы

1. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Рус. яз., 2002. 216 с.
2. Ларина Т.В. Вежливость как предмет лингвистического изучения // Коммуникативное поведение. Вып. 17. Вежливость как коммуникативная категория. Воронеж: Истоки, 2003. С. 10–22.
3. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
4. Brown R., Gilman A. The pronouns of power and solidarity // Readings in the Sociology of Language. Cambridge, Mass: MIT Press, 1960. P. 253–276.
5. Лебедева Е.Б. Уточнение понятия «Языковая игра» в лингвистике // Язык и культура. 2014. № 4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utochnenie-ponyatiya-yazykovaya-igra-v-lingvistike> (дата обращения: 15.02.2020).
6. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. М.: Наука, 1983. С. 172–214.
7. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 488 p.
8. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. Теоретические проблемы. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 192 с.
9. Юй Исин. Формы русского речевого этикета в свете этики ответственности // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-russkogo-rechevogo-etiketa-v-svete-etiki-otvetstvennosti> (дата обращения: 01.05.2020).
10. Tannen D. The Relativity of Linguistic Strategies: Rethinking Power and Solidarity in Gender and Dominance. Gender and Conversational Interaction. Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 165–188.

**COMMUNICATIVE ROLE OF LANGUAGE GAME IN POLITE COMMUNICATION
(BASED ON RUSSIAN LANGUAGE MATERIAL)**

E.V. Baev

The article deals with the question of the influence of a language games to the linguistic politeness. Direct survey among the native speakers of the Russian language is described and proposed as a research methodology. Examples of a language game at the phonetic and syntactic levels serve as a material for research. It's results describe stable patterns of interpretation and assessment of the language game and it's impact on the linguistic politeness. Findings include factors that contribute to enhancing the politeness of speech through language play (the degree of intimacy of the communicators; humor and the allowance of it in a conversation with particular communicant; the originality of the verbal form made with the help of a language game) and a decrease in politeness (sarcasm, ridicule, humor and the allowance of it in a conversation with particular communicant; association of the use of a language game with saving time when it's not appropriate; inability to decipher the language game). The study also provides methodological recommendations for further research on the relationship between language game and politeness, and points the possible research goals.

Keywords: communicative linguistics, politeness theory, linguistic politeness, language game.

References

1. Formanovskaya N.I. Speech communication: a communicative and pragmatic approach. Moscow: Russian language, 2002. 216 p.
2. Larina T.V. Politeness as a subject of linguistic study // Communicative behavior. Vol. 17. Politeness as a communicative category. Voronezh: Istoki, 2003, P. 10–22.
3. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
4. Brown R., Gilman A. The pronouns of power and solidarity // Readings in the Sociology of Language. Cambridge, Mass: MIT Press, 1960. P. 253–276.
5. Lebedeva E.B. Clarification of the concept of «Language game» in linguistics // Language and culture. 2014. No. 4 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/utochnenie-ponyatiya-yazykovaya-igra-v-lingvistike> (Date of access: 15.02.2020).
6. Zemskaya E.A., Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N. Language game // Russian conversational speech. Moscow: Nauka, 1983. P. 172–214.
7. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 488 p.
8. Sternin I.A., Rudakova A.V. Psycholinguistic meaning of the word and its description. Theoretical problems. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 192 p.
9. Yu Yixing. Forms of Russian speech etiquette in the light of the Ethics of Responsibility // Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology. 2017. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formy-russkogo-rechevogo-etiketa-v-svete-etiki-otvetstvennosti> (Date of access: 01.05.2020).
10. Tannen D. The Relativity of Linguistic Strategies: Rethinking Power and Solidarity in Gender and Dominance. Gender and Conversational Interaction. Oxford: Oxford University Press, 1993. P. 165–188.